

МОТИВЫ ЖИТИЯ И АГИОЛОГИЧЕСКИХ ЖАНРОВЫХ ВАРИАНТОВ

©2012 Н.А.Краснова, А.Г.Краснов

Поволжский государственный университет сервиса. Тольятти

Статья поступила в редакцию 07.02.2012

Статья посвящена изучению житийных мотивов в системе, которая обеспечивают устойчивость жанрового канона агиографии. Авторы рассматривают причины системности в связи с универсальной фабульной схемой мифа, установке на особого рода документальность, отказе от авторской воли и специфике средневекового идеала эстетического. Изучение системы мотивов жития обнаруживает специфическую мотивную структуру не только относительно жанра в целом, но и относительно агиологических типов – жанровых подвидов жития, обусловленных особенностью жизненного пути и спасения святого.

Ключевые слова: житийные мотивы, устойчивость жанрового канона агиографии, агиологические типы.

На системность текстосложения агиографического произведения указывают практически все исследователи этого жанра. Маркером системного характера агиографического повествования являются такие, например, обороты как «агиографическая схема»¹, «трафаретная схема ведения рассказа»², «трафарет, который варьируется лишь в мелочах»³, «общие черты» и «общие признаки»⁴, «схематизированная рубрикация в композиции»⁵, «структура святости»⁶, «каноническая житийная схема»⁷, «идеальная схема агиографического произведения»⁸.

Первопричина такой «системности» жития заключается в его близком родстве мифологической повествовательной универсалии. Несколько радикально по этому поводу высказа-

лась С.В.Полякова, отметив, что «вопреки часто вполне правдоподобному сюжету большинство легенд (здесь имеются в виду жития – Н.К., А.К.) не основано на подлинных событиях, а представляет собой миф или фольклорный рассказ, замаскированный под реальный факт: стоит снять с героев монашеское платье или лишить мученического венца, как их светское, подчас и языческое происхождение обнаружит себя, а изображенные ситуации уложатся в соответствующий мифологический или сказочный трафарет (выделено нами – Н.К., А.К.)»⁹.

Можно указать и другие причины. Первая из таких причин следует из рассуждения А.Гарнака, хотя и посвященного мученикам, но дающего плодотворную мысль по существу рассматриваемого нами вопроса. «Они, – пишет Гарнак о мучениках, – не стремились быть знаменательными или назидательными в обыкновенном смысле этого слова, они желали быть документами, подтверждающими тот факт, что Христос продолжает жить в своей церкви, и принадлежат поэтому к *достоверной литературе* (выделено нами – Н.К., А.К.) Священной истории»¹⁰. Достоверность, о которой пишет А.Гарнак, своего рода «документальность» диктовала использование соответствующих формул, маркирующих правдивость, истинность повествуемого.

Указывая вторую причину, сошлёмся на другого исследователя, И.В.Саморукову, которая, рассуждая о древнерусской словесности и, конкретно, о «готовых способах говорения о предмете», отмечает, что «авторитетность высказывания зависела от авторитетности области

¹ Краснова Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной истории и правоведения. E-mail: nikaellada@yandex.ru
Краснов Алексей Геннадьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных технологий. E-mail: kra.snov@yandex.ru

² Лопарев Х.М. Византийские жития святых VIII – IX веков // Византийский временник. – 1910. – Т. 17. – С. 16.

³ Полякова С.В. Византийские жития как литературное явление // Жития византийских святых. – СПб.: 1995. – С. 4.

⁴ Ранович А. Как создавались жития святых. – М.: 1961. – С. 42.

⁵ Попова Т.В. Античная биография и византийская агиография // Античность и Византия / Под ред. Л.А.Фрейнберг. – М.: 1975. – С. 220.

⁶ Там же. – С. 222.

⁷ Пармонова М.Ю. Генеалогия святого: мотивы религиозной легитимации правящей династии в ранней святоацлавской агиографии // Одиссей. Человек в истории. 1996. – М.: 1996. – С. 182.

⁸ Минеева С.В. Истоки и традиции русского агиографического жанра // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. – 2000. – №1. – С. 21.

⁹ Левшин Л.В. История восточнославянского книжного слова XI-XVII вв. – Мн.: 2001. – С. 147.

⁹ Полякова С.В. Византийские жития как литературное явление... – С. 4.

¹⁰ Harnack A. Das ursprüngliche Motiv der Abfassung von Märtyrerakten in der Kirche, p. 115, 118 (Sitzungsberichte d. Preuss.Akadem.d. Wissenschaften. Berlin 1910); Цит. по: Безобразов П.В. Рассказы о мучениках // Византийские сказания: в 2 ч. – Юрьев: 1917. – Ч. 1. – С. 19.

его применения со свойственной ей системой нормативных интерпретаций. Жанровая модель, языковой шаблон не осознавались как «чужое слово», как речевой мир Другого, они были способом культурной и языковой идентификации субъекта речевой деятельности»¹¹. Развивая данное утверждение, отметим, что область, в которой обретались агиографические высказывания, была более чем авторитетной, а автор жития, конечно же, не воспринимал себя как автор *нового* высказывания, поскольку его текст не был *новым* и не был *его текстом*. Автор жития не воспринимал себя как творец в современном понимании этого слова, поскольку он не создавал нового целого, но создавал новую часть уже существующего сакрального текста (метатекста), как бы усовершенствовал его, воспринимая себя при этом не автором, но – со-автором единственного настоящего автора жизни=текста – Иисуса.

Как отмечает В.М.Живов, стандартность мотивов обусловлена не только «ориентацией одних произведений на другие, но и христочентричностью самого феномена мученичества: мученик повторяет победу Христа над смертью, свидетельствует о Христе и, становясь «другом Божиим», входит в Царство Христова. Эта богословская канва мученичества естественно отражается и в структурных характеристиках мученических актов»¹².

Трафаретность жития также вытекает из западно-средневекового представления об идеальном. Поскольку предмет описания жития (жизнь святого) стремится к тому, чтобы стать идеальным¹³, он выстраивается сообразно не только религиозному, но и эстетическому канону, который диктовал монологизм и структуру.

Далее следует остановиться на тех трудах исследователей, в которых дана попытка изложить мотивы в системе, определяющей жанровую доминанту или определяемой ею. Здесь в виде тенденции выделилось, во-первых, описание «житийных трафаретов», свойственных агиографическому произведению в целом, и, во-вторых, описание комплексов мотивов, свойственных конкретному жанровому подви-

ду жития¹⁴. И если относительно первого направления (описания системы мотивов жития в целом) никаких вопросов не возникает, то относительно второго направления такие вопросы существуют, поскольку, исследуя классификации жанровых подвидов жития¹⁵, даваемые различными авторами, мы столкнулись с рядом небольших разночтений и, соответственно, с вопросом их устранения.

За основу построения рабочей классификации агиологических типов нами были взяты классификации, содержащиеся в работах В.В.Живова¹⁶, С.В.Минеевой, В.В.Кускова¹⁷.

В.М.Живов выделяет следующие агиологические типы и подтипы: ветхозаветных святых (патриархов (допотопных и послепотопных), пророков), апостолов (равноапостольных), святителей, исповедников, мучеников (великомучеников, преподобномучеников, священномучеников, страстотерпцев), преподобных (пустынножителей, отшельников, столпников), юродивых, благоверных.

В.В.Кусков, описывая «иерархию святых» византийского периода агиографии, выделяет жития мучеников, исповедников, святителей, преподобных, пустынников, столпников, юродивых. Затем исследователь указывает, что древнерусская литература создаёт «совершенно оригинальный тип жития – княжеское»¹⁸ Причину возникновения данного типа житий В.В.Кусков видит в том, что данный тип житий

¹⁴ Как отмечает В.М.Живов, «житие святого – это не столько описание его жизни (биография), сколько описание его пути к спасению, *типа его святости* (выделено нами – Н.К., А.К.). Поэтому набор стандартных мотивов отражает прежде всего не литературные приемы построения биографии, а динамику спасения, того пути в Царствие Небесное, который проложен данным святым. Житие абстрагирует эту схему спасения, и поэтому само описание жизни делается обобщенно-типическим». Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов... – С.10.

¹⁵ С.В.Минеева использует формулу «система жанровых разновидностей христианской агиографии». Минеева С.В. Истоки и традиции русского агиографического жанра... – С. 21.

¹⁶ Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов...

¹⁷ С.В.Минеева указывает, что в основе её классификации (Минеева С.В. Истоки и традиции русского агиографического жанра... – С. 20 – 31) лежит работа В.В.Кускова (Кусков В.В. Характер средневекового мирозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой половины XIII в. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1981. – №1. – С. 3 – 12).

¹⁸ Кусков В.В. Характер средневекового мирозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой половины XIII в. // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. – 1981. – №1. – С. 10.

¹¹ Цит. по: Саморукова И.В. О понятии «дискурс» в теории художественного высказывания // Вестник самарского государственного университета. – Самара, 2001. – №1. – С. 97 – 111.

¹² Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. – М.: 1994.

¹³ Как отмечает Л.В.Левшун, влияние христианской иконологии, окончательно оформившейся к VIII век приводит к вытеснению из агиографии беллетристического элемента (см.: Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова XI – XVII вв.... – С. 146 – 147).

ставил перед собою задачу укрепления политического авторитета светской власти, окружения её ореолом святости. Затем исследователь выделяет подтипы древнерусских княжеских житий, деля их на мученические, исповеднические и жития князей-воинов, защитников Русской земли.

Следует отметить, что при определении типа героя исповеднического жития, В.В.Кусков несколько расходится в акцентах с В.М.Живовым. В.В.Кусков указывает, что исповедник – проповедник христианства в языческой стране, который вступает в борьбу с целым народом. В качестве ключевых указываются мотивы проповеди, сокрушения языческих кумиров, гонений, мучений и обращения язычников в христианство¹⁹. В.М.Живов в качестве ключевого мотива указывает мотив мученичества, отмечая в качестве специфической черты данного типа повествований отсутствие мученической смерти²⁰.

Рассматривая специфику мотивной структуры агиологических типов, мы обратимся к мотивам житий мучеников, исповедников, святителей, преподобных, пустынножителей и юродивых, опуская мотивы ветхозаветных святых. Рассмотрим случаи описания исследователями единств, конгломератов «житийных трафаретов», свойственных агиографическому произведению в целом²¹.

Значимой работой в области мотивики мартириев является труд Х.М.Лопарёва «Греческие жития святых VIII и IX веков»²², в котором автор исследует ключевые мотивы жития. Так, мы рассмотрим структуру мотивов, которую Х.М.Лопарёв приводит во введении к своей работе²³, как свойственную агиографическому произведению в целом.

В качестве первого компонента «агиографической схемы» Х.М.Лопарёв отмечает заглавие и указывает, что обычно в заголовочном комплексе помещалось название месяца и день памяти святого (обычно – когда святой умер, но в редких случаях – день погребения). Второй компонент – эпитет святого: «святой», «праведный» и другие.

¹⁹Кусков В.В. Характер средневекового мирозерцания... – С.8.

²⁰Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов... – С. 33 – 35.

²¹ Описания житий, относящихся к определённым эпохам, будут даны в порядке от древних – к новейшим.

²² Лопарев Х.М. Византийские жития святых VIII – IX веков... – С. 1 – 124.

²³ Этот параграф книги «Византийские жития святых VIII-IX веков» так и озаглавлен – «Теория или схема похвального жития».

Далее исследователь выделяет предисловие, в котором указывает несколько ключевых мотивов. Мотив самоуничтожения заключается в том, что автор жития (как правило, человек достаточно образованный) указывает на «убожество своего литературного образования», используя при этом своеобразное клише «учился на медные гроши»²⁴ (18). Далее автор жития должен отметить, что писать житие трудно, но он, тем не менее, должен попытаться это сделать.

В качестве распространенного мотива Х.М.Лопарёв указывает также на мотив сравнения автором жития себя с евангельскими персонажами (рабом, зарывшем талант в землю, евангельской вдовицей). Далее следуют общие места, посвященные тому, в каких условиях происходил сбор сведений о святом: посещение многих мест (города, сёла, пещеры, пустынные кущи иноков), разговоры с благочестивыми людьми, помнящими святого.

Х.М.Лопарёв отмечает, что в виде перехода от предисловия к главной части жития агиографы также нередко пользуются стереотипными фразами вроде «уже время слову приблизиться к святому» или «уже пора нам идти к восхвалению святого» (20).

Первым из общих мест, упоминаемых Х.М.Лопаревым в корпусе жития, является мотив родителей. Этот мотив учёным практически не рассматривается. Следующим исследуется мотив восхваления родины святого, внутри которого Х.М.Лопарёв выделяет мотивы похвалы климата, похвалы «естественных богатств» (обилие пастбищ, рек, плодов) наличие выдающихся подвижников. Типично также указание на то, что родина святого, неизвестная в прошлом, прославлена через него.

Следующий мотив – мотив посвящения святого родителями Богу – связывается учёным с мотивами обожения святого во младенчестве, отказа святого младенца от материнского молока.

Относительно общего места «обучение» исследователь отмечает, что «житийный шаблон требовал говорить, что святой в юношеском возрасте не любил ни детских игр, ни зрелищ, ни конских ристалищ, ни светских песен, ни плясок, а усердно изучал Псалтирь и вообще св. Писание, и наука давалась ему очень легко» (25). Исследователь упоминает мотив неспособности к грамоте с последующим чудесным постижением её.

Указывая в качестве общего мотива избегание сношений с женским полом, Х.М.Лопарев

²⁴ Лопарев Х.М. Византийские жития святых VIII-IX веков... – С. 1 – 124. (Далее в рамках данной работы мы ссылаемся на это издание в тексте, указывая в скобках номер страницы).

выделяет пять типов святых: избегающих общества всех женщин (в некоторых случаях за исключением матери); общающихся только с пожилыми женщинами; дающих обет воздержания после свадьбы или гибели детей; дающих обет воздержания после рождения детей; вступивших в брак поневоле и сохранявших обоюдное воздержание по взаимному согласию.

Не ссылаясь на рубрику, исследователь выделяет также мотив появления у святого удивительного дара, в котором рассматривает два варианта – дар чудесного пения и дар чудесного красноречия (оба открываются у святого после поедания некоего свитка, принесённого ангелом (сонмом ангелов), либо неким святым (30).

Относительно мотивов, парадигматически соотносимых с инвариантом кончины святого, Х.М.Лопарёв указывает мотив желая смерти, мотив предсказания дня смерти, мотив осуществления предсказания дня смерти, мотив благоухания, мотив свечения, мотив ангельского пения, мотивы стечения (прихода) к телу святого иноков и местных жителей, мотив исцеления у гроба святого, а также указания часа, дня (дня недели), месяца и года его кончины (30 – 32).

Относительно инварианта мотива чудес Х.М.Лопарёв приводит включенные мотивы указания автором на недостаток времени, слов и силы рук для описания всех чудес святого, мотив сравнения чудес святого с чудесами Ветхого и Нового Заветов (мотивы формы), указания имени чудесно исцелённого больного, режиссуры происхождения, а также неясного определения болезни. Именно применительно к этому инварианту, упоминая «бытовые подробности чуда», учёный приводит достаточно большое количество топических мотивов: бани, купальни, колодцы, пластыри из масла и воска, компрессы из уксуса с разведённой в нем солью, гостиницы с врачами (30 – 32).

Другие мотивы чуда учёный приводит практически без распространения о сути их содержания. Это – хождение по водам, перенесение по водам дельфинами, прекращение бури через отвержение пассажиром корабля ереси, исцеление больных через возложение рук, исцеление через прикосновение к рясе святого, обращение врага в паралич посредством дуновения, наведение слепоты на варваров, переворачивание лиц врагов, отворение самими собою дверей храма перед святым, чудесное знание о кончине другого святого, предсказание болезни человека, находящегося в другой стране, умение становиться невидимым, левитация во время молитвы, исцеление болезни через масло из лампы святого, повеление зверьми и птицами (львами и голубями), разговор с животными (при

этом животные – ослы, верблюды, кони, львы – говорят на человеческом языке) (33 – 34).

Далее следовал мотив обращения агиографа к святому о помощи благочестивым царям и мотив моления автором о ходатайстве святого перед Богом в тяжёлых случаях жизни (смертоносная язва, трус, огонь и меч варваров). Такова система мотивов жития, изложенная Х.М.Лопаревым в начале прошлого века.

Следующий исследователь – С.В.Полякова – отмечает, что византийский житийный шаблон складывался из «предисловия и краткого послесловия агиографа, обрамляющих собственно повествование, непременно включавшее в себя: восхваление родины и родителей святого, чудесное предвозвещение его появления на свет, проявление святости в детском и юношеском возрасте, искушения, решительный поворот на путь духовного спасения, кончину и посмертные чудеса»²⁵. Столь же кратко касается данного вопроса и В.М.Живов: «Агиографической литературе свойственны многочисленные стандартные мотивы, такие, например, как рождение святого от благочестивых родителей, равнодушие к детским играм и т.п. Подобные мотивы выделяются в агиографических произведениях разных типов и разных эпох»²⁶.

Сходную общую схему жития приводит Т.В.Попова в статье «Античная биография и византийская агиография»: «(...) в первых строках, после вступления – рассуждения на «душеспасительную» тему (...), автору следовало сообщить о родине будущего героя. Родители непременно должны были быть благочестивыми; уже в детстве будущий герой должен был проявлять необыкновенные душевные качества: быть скромным, избегать детских игр, читать священные книги, усердно посещать храмы. Наконец, охваченный желанием посвятить себя наиболее полному служению богу или под влиянием рассказов о каком-либо благочестивом подвижнике, герой вступает на путь отшельнической жизни: он поселяется где-нибудь в пустыне, в пещере, в диком лесу, в горе, в киновии, позднее – в монастыре; либо, чтобы дальше уйти от «грешной» земли, становится столпником»²⁷. «В киновии или монастыре такой человек, как правило, отличается особой скромностью и выдающимися подвижническими трудами, благодаря чему получает всё более и более высокий духовный сан (обычно якобы

²⁵ Полякова С.В. Византийские жития как литературное явление // Жития византийских святых.... – С. 5.

²⁶ Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов... – С. 9.

²⁷ Попова Т.В. Античная биография и византийская агиография... – С. 220 – 221.

вопреки его желанию, но по неотступному настоянию паствы). (...) Человек этот чудесным образом исцеляет больных, наставляет язычников и еретиков на путь «истины». Наконец, чаще всего в глубокой старости, почувствовав «по откровению свыше» приближение кончины, он умирает. (...) Описываются чудеса, творимые останками «святого» либо происходящие после его смерти, если его призывают в молитвах (...)»²⁸. Очевидно, что данная общая схема жития имеет много сходных черт со схемой подвижнического жития, вбирая в себя и отшельнические мотивы, и собственно преподобнические.

По Л.В.Левшун, большинство житий начинается с самоуничужения автора, который признаётся в своём недостойнстве писать о святом, просит помощи и содействия Святого Духа, снисхождения читателей (все эти мотивы выделил ещё Х.М.Лопарев). Далее повествуется о рождении святого младенца и чудесах, которыми оно сопровождается. Л.В.Левшун отмечает, что в ряде случаев упоминаются добродетельность, набожность и дела милосердия родителей святого. «Как правило, герой жития ещё в детстве сторонится шумных игр со сверстниками, – пишет исследователь, – но проявляет любовь к чтению священных книг, посту, уединённой молитве и церковным песнопениям»²⁹.

Сообразно с принятой выше классификацией жанровых подвигов жития, рассмотрим случаи описания исследователями систем житийных мотивов, соответствующих *агиологическим типам* (Г.П.Федотов)³⁰.

Мартирии. Первым из отечественных учёных детально проанализировал мотивику мученика П.В.Безобразов³¹. В его работе «Рассказы о мучениках», являющейся первой частью труда «Византийские сказания»³², опубликованного полностью в журнале «Византийское Обозрение» за 1915 и 1916 годы соответственно, мы встречаем подробнейшее описание «общих мест»³³ мучеников, снабжённое многочисленными примерами.

В главе VI «Эволюция и классификация» П.В.Безобразов приводит «три главнейших типа», выделенных им «сообразно с общей эволюцией мучеников». Первый тип характерен тем, что мученичество святого остаётся на первом плане повествования, сколько бы оно не осложнялось невероятными подробностями и чудесами. Во втором типе преобладают сказочные мотивы, которые заслоняют собою рассказ о мученике. В третьем разрабатывается беллетристическая тема в своеобразной, преимущественно аскетической окраске³⁴. Иллюстрируя выработанную классификацию на примере трансформации мученика о св. Проконии, П.В.Безобразов последовательно указывает на те «элементы» и «подробности», появление которых сигнализирует об изменении жанровой структуры мученика.

Атеистически настроенный А.Ранович, в агитационной брошюре «Как создавались жития святых»³⁵, приводит (не без идеологических вставок, которые мы, по возможности, сократим) следующую структуру мученических житий: «После мнимоисторического введения, где автор пытается дать «исторические» сведения о своём, часто вымышленном герое, он переходит к самому интересному – к допросу, пыткам и казни. Допрос ведёт иногда сам виновник гонений – царь или проконсул или, чаще, исполнитель воли царской. Судья рисуется суровым, не поддающимся убеждению. (...) Судья пытается убедить мученика принести жертву цезарю и отступить от веры; он обещает ему полцарства, он предлагает ему свою дочь в жёны. Мученик с презрением отвергает земные блага. Судья переходит к угрозам. Но мученик раздражается в ответ речью, где он по всем правилам греческого ораторского искусства отстаивает свою веру, нападает на язычество, заявляет о своей готовности претерпеть муку. (...) После речи мученика начинаются пытки»³⁶.

Автор мученика, по словам А.Рановича, «нагромождает всё больше и больше всевоз-

²⁸ Попова Т.В. Античная биография и византийская агиография... – С. 221.

²⁹ Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова XI – XVII вв. ... – С. 147.

³⁰ Федотов Г.П. Святые Древней Руси. – М.: 1991.

³¹ Последующие точки зрения учёных на данный вопрос неизбежно отталкиваются от работы П.В.Безобразова. Ссылаются на него С.В.Минеева, Л.В.Левшун.

³² Безобразов П.В. Рассказы о мучениках // Византийские сказания...

³³ Впрочем, П.В.Безобразов вполне аутентично использует и термин «мотив», различая его с темой – более широким, в представлении исследователя, семантическим конструктом. Глава VII работы прямо называется – «Сказочные мотивы».

³⁴ Там же. – С. 157.

³⁵ В книге А.Рановича нетрудно заметить влияние П.В.Безобразова, который, конечно, не стремился к развенчанию «христианского мифа», но, как отмечает автор аннотации электронной публикации книги П.В.Безобразова «Очерки Византийской культуры» на сайте «Библиотека религиоведения и русской религиозной философии. Издания XVIII – начала XX вв.»: «Таково было свойство исследовательского таланта Безобразова: он подмечал скорее минусы, чем плюсы византийской культуры и склонен был их подчеркивать». Критический талант П.В.Безобразова оказал А.Рановичу неоценимую услугу.

³⁶ Ранович А. Как создавались жития святых. – М.: 1961.

можных пыток, стараясь поразить воображение читателя количеством мучений. (...) «Обычно «усекновением главы» пытки заканчиваются, но некоторые мученики ухитряются ещё иногда продолжать действовать, держа в руках свою отрезанную голову. Во всё время пыток мученики не перестают проповедовать, не теряют спокойствия духа и даже весёлого настроения. Они издеваются над судьёй и над его бессилием, они выражают сочувствие палачам, уставшим от истязаний, они помогают палачам изобретать новые пытки (...)»³⁷. «(...) все силы природы отказываются служить палачу: огонь и кипящая смола не обжигают, кипятки не обваривают святого (...). Бессилие палача приводит судьбу в бешенство, «(...) он неистовствует, он назначает премию за изобретение новых пыток, он вызывает магов, посылает запросы императору, он сходит с ума, теряет сознание, кончает самоубийством. В конце концов, мученика обезглавливают, вера торжествует, народ толпами обращается в христианство»³⁸.

Исповеднические жития. Выше уже было упомянуто, что В.В.Кусков в качестве ключевых мотивов исповеднического жития указывал на мотивы проповеди, сокрушения языческих кумиров, гонений, мучений и обращения язычников в христианство³⁹. Также он отмечает, что для данного вида житий характерно большое количество чудес, как прижизненных, так и посмертных.

Преподобнические жития. К типичным мотивам преподобнического жития обращается уже упомянутый Х.М.Лопарёв. Делает он это в рассмотренном нами параграфе «Теория или схема похвального жития» (раздел «Аскеза») без выделения особого агиологического типа. Он указывает следующие общие места: исполнение чёрных работ до чистки отхожих мест включительно, усердное посещение служб, «постоянное имение в уме св. Писания, в особенности Псалтиря», пророчества, чудеса, слава, тяготение славой, уход из монастыря, поставление новой кельи, посещаемость сильными мира сего (царями, военачальниками)⁴⁰. Ключевой мотив предсмертного наставления учёный рассматривает именно в рамках преподобнических житий. Здесь Х.М.Лопарёв указывает на мотив сбора братии у постели умирающего святого, мотив наставления о том,

как молиться, наставления в точности исполнять устав монастыря. К комплексу «предсмертных» мотивов учёный относит мотив зависимости судьбы обители от обретения почившим святым милости у Бога⁴¹.

Согласно Л.В.Левшун, общими местами преподобнического жития являются следующие моменты: «(...) он с детства мечтает о подвижнической жизни во имя Господа и потому после смерти родителей (или даже при их жизни, а иногда и против их воли) раздаёт своё имущество нуждающимся и идёт в монастырь, где и постригается. В монастыре будущий святой показывает пример покорности старшим, смирения, любви к братии, проводя жизнь в трудах, посте и молитве, чем снискивает любовь игумена, братии и окрестных жителей (часто после многочисленных искушений и испытаний). Отмеченный Святым Духом, он сподобляется видений, разговаривает с ангелами, творит чудеса, проповедует народу (...)». «Далее, — отмечает Л.В.Левшун, — агиограф кратко знакомит читателя с общим содержанием и характером учения святого, с его подвигом. Завершается рассказ повествованием о кончине подвижника (день и час которой ему часто известен), описанием посмертных чудес и торжественной похвалой святому»⁴².

Исследователь С.В.Минеева, приводя ряд «обязательных элементов композиции преподобнического жития», указывает ряд ключевых мотивов, называя их «каноническими»⁴³. К подобным мотивам С.В.Минеева относит мотивы заботы о братии, проповедничества, учения примером, основания и благоустройства обители, взаимоотношений с церковными и мирскими властями.

Жития пустынножителей. Выше нами было отмечено, каким образом рассмотрел Х.М.Лопарёв типичные мотивы преподобнического жития. Аналогично рассматриваются им и основные мотивы житий пустынножителей. Исследователь выделяет следующие общие места: уход в глухие места, жизнь в уединении, ношение вериг, избегания сна, сон на камнях, сон сидя, соблюдение чрезмерного поста, питание сырыми овощами, еженощное орошение постели слезами⁴⁴.

В диссертации, посвященной бытованию жития Никодима Кожеозерского в древнерусской агиографической традиции Е.А.Полета-

³⁷ Ранович А. Как создавались жития святых. — С. 43.

³⁸ Там же. — С. 44.

³⁹ Кусков В.В. Характер средневекового мирозерцания и система жанров древнерусской литературы XI — первой половины XIII в. — С. 8 — 9.

⁴⁰ Лопарев Х.М. Византийские жития святых VIII — IX веков... — С. 27.

⁴¹ Там же. — С. 30 — 31.

⁴² Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова XI — XVII вв. ... — С. 147.

⁴³ Минеева С.В. Истоки и традиции русского агиографического жанра... — С. 29.

⁴⁴ Лопарев Х.М. Византийские жития святых VIII — IX веков... — С. 27.

ева⁴⁵ вскрывает освещение темы «пустынного жития» в древнерусских памятниках через характерные мотивы – любви к безмолвию, пустынных «страхований и соблазнов», преобразования пространства пустыни, послушания диких зверей пустынным отцам, встречи «спасителя» с пустынножителем, погребения отшельника⁴⁶.

По мнению С.В.Минеевой, «главный содержательный мотив, определивший всю композицию произведений этого типа, может быть охарактеризован как «мотив ухода», «бегства от мира». Поэтому всему, что связывает отшельника с миром, не уделяется в житиях особого внимания, если же об этом всё-таки повествуется, то акцент снова делается на «уходе», «разрыве»⁴⁷.

Говоря о типичных мотивах *святительских житий*, Х.М.Лопарёв указывает следующие: мотив избегания высокой церковной должности (совместно с мотивом ухода), мотив принятия высокой церковной должности по принуждению церковных или светских властей, мотив выкупа пленников на волю⁴⁸.

М.Ю.Парамонова в обстоятельной статье «Генеалогия святого: мотивы религиозной легитимации правящей династии в ранней святовацлавской агиографии», анализируя совмещение функций небесного покровительства и политического господства в ходе канонизации первого чешского святого князя Вацлава, обращает внимание на «структуру святости, то есть набор характеристик, маркирующих короля именно как святого»⁴⁹. Среди таких характеристик М.Ю.Парамонова упоминает контакты князя с духовенством, заботу святого о церкви и благополучии клира, пристрастие к церковно-ритуальным церемониям, стремление Вацлава стать монахом, семейный антагонизм (противостояние матери и брату)⁵⁰ попечение о бедных, участие в распространении веры, мотив уподобления Христу (христомимезис). Кроме того, автор выделяет такие специфические мотивы сюжета о святом правителе, как мотив династической преемственности (мотив принадлежности героя к знатной и могуществ-

венной семье), заботу о дружине, верность слову, мудрость в суде и совете.

Относительно общих мест *житий юродивых* нельзя не отметить работу О.В.Гладковой⁵¹, предлагающей следующие типичные конструкции⁵²: «пренебрежение и отказ от обычного человеческого ума; наряду с этим способность видеть особые связи между явлениями и предметами, не различаемые окружающими юродивого людьми (...); (...) кощунство, «безобразия» юродивого (...); побои и гонение от людей вследствие непонимания ими истинной сущности происходящего (...); принципиальная публичность жизни и в то же время сокрытие подвига до самой смерти; (...) «скрытая молитва»; обязательные чудеса»⁵³.

Таким образом, исследование работ по мотивике жития обнаружило наличие устойчивых конгломератов мотивов, приписываемых исследователями данному жанру. В некоторых случаях комплексность выявленных мотивов диктуется привязкой к биографической канве повествования, по схеме «рождение – деяния – смерть – чудеса». Данная схема, в основе своей чисто парадигматическая, является, во-первых, замкнутой, не имеющей возможностей к развитию, и, во-вторых, в применении к житиям разных эпох даёт чрезвычайно слабое представления об индивидуальном жанровом контуре жития, этой эпохе свойственной.

В других случаях комплексность связана с агиологическим типом. Каждому типу свойственен некий набор ключевых мотивов, программирующий жанровый подтип. Как мы увидели, наборы эти у разных исследователей системности агиографического жанра не всегда совпадают.

⁴⁵ Полетаева Е.А. Житие Никодима Кожеозерского в Древнерусской агиографической традиции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: – Екатеринбург: 2005.

⁴⁶ Здесь мы видим, что Е.А.Полетаева отождествляет «отшельников» и «пустынножителей».

⁴⁷ Минеева С.В. Истоки и традиции русского агиографического жанра... – С. 28, 29.

⁴⁸ Лопарев Х.М. Византийские жития святых VIII – IX веков... – С. 29.

⁴⁹ Парамонова М.Ю. Генеалогия святого: мотивы религиозной легитимации правящей династии в ранней святовацлавской агиографии... – С. 182.

⁵⁰ Там же. – С. 187.

⁵¹ Гладкова О.В. Агиографический канон и «западная тема» в «Житии Исидора Твердислова, Ростовского юродивого» // Древняя Русь. – 2001. – № 4. – С. 81 – 87.

⁵² В терминологии самой О.В.Гладковой – «топосы».

⁵³ Там же. – С. 86.

HAGIOGRAPHICAL MOTIVES AS THE MAIN COMPONENT OF HAGIOGRAPHY AS A GENRE AND THIS GENRE SUBDIVISIONS

© 2012 N.A.Krasnova, A.G.Krasnov^o

Volga Region State University of Service

The article features a systematic study of hagiographical motives in the system, which provides the stability of a genre canon in a hagiography. The authors consider the mechanism and reasons why the universal plot scheme of the myth, the focus on the special way to reflect reality, the denial of an author's will and the special nature of ideal medieval esthetic values contribute to making up the system. The paper reveals that the system of hagiographical motives has a specific structure not only within this particular genre as a whole but also within its subdivisions – hagiographical types which differ in details of a saint's life and salvation.

Keywords: hagiographical motives, stability of a genre canon in a hagiography, hagiographical types.

^o *Natalia Aleksandrovna Krasnova, Cand.Phil.Sci.,
Senior Lecturer, the chair of «National History
and Law Studies». E-mail: nikaellada@yandex.ru
Alexey Gennadevich Krasnov, Cand.Phil.Sci.,
Senior Lecturer, Chair of «Social Technologies».
E-mail: kra.snov@yandex.ru*